

Заключение

Навстречу новой заре восточной культуры

Восточная культура поблекла на фоне западной науки и техники, расцветшей за несколько веков. Стремление человечества к материальным благам стимулируется достигнутым с помощью науки и техники развитием производительных сил, оно уже сделалось беспрецедентно высоким и продолжает нарастать все быстрее и быстрее. Люди познали комфорт человеческой жизни и в то же время терпят небывалые страдания. Это век культуры и анти-культуры. Когда на востоке темно, на западе светло.

Но немногие понимающие люди уже предвидят будущую зарю на востоке. И вскоре станет видно, что на этом Востоке есть древний и в то же время вечно новый мир, в котором сияет и искрится новый свет древней культуры.

В деле продолжения научно-технического развития человечество стоит сейчас перед лицом трудностей.

Наука и техника не могут развиваться далее по собственной логике, которой они обязаны своими гигантскими успехами. Она очертила круг, из которого они не могут вырваться, не могут его превзойти.

Многие ученые ощущают трудности в связи с вопросом о формах существования и движения материи — что же это такое, в конечном счете? Еще одним ограничением, на взгляд ученых, является скорость света. Разве можно надеяться превзойти скорость этого материального движения, если рассматривать данную константу как единственную и универсальную для всех излучений? Существует ли что-то еще, движущееся со скоростью, превышающей скорость света?

Наука получила очень большое развитие в гуманитарной области, но и эти успехи ограничены сферой, которая очерчена самой наукой. Она вроде бы коснулась другой стороны человека, но у нее не хватает смелости признать существование этой другой стороны. Лишь немногие ученые борются сейчас за признание ее права на существование. Мы имеем в виду познание человеческого духа.

В этом вопросе религия и наука стоят на разных позициях. Две данные силы были когда-то в антагонистических отношениях, но лишь на короткое время, и надо сказать, что оно уже прошло. Все больше и больше людей начинает теперь понимать, что наука и религия должны дополнять друг друга. Как говорил Эйнштейн: «Наука без религии гибельна, религия без науки слепа». Даосы считают, что это выражение Эйнштейна в определенном смысле очень проникновенно.

Положение нынешней науки можно оценить так: современная философия не указывает ей ясного направления и верного выхода.

Еще одна серьезная проблема — использование результатов науки. Не станем перечислять важные ошибки, допущенные человечеством в этом направлении, а также их серьезные и печальные последствия. Многие ученые — естественники и общественники — выступали здесь с предупреждениями, и предупреждения становятся все настоятельнее. Но, как сказал историк Тойнби, «печальные последствия, причиненные наукой, не могут быть исправлены самой наукой».

Нужно новое мировоззрение, нужна новая культура.

Сегодня развитие науки и техники поставило под угрозу само существование человека. Опасность грозит ему не только со стороны природных катаклизмов, но и со стороны самого человечества.

Юнг выразился еще острее:

Сегодня мы, как никогда ясно, видим, что опасность всем нам, людям, угрожает вовсе не со стороны природы, а со стороны самого человечества, со стороны его индивидуального и массового интеллекта. Она состоит в том, что человеческий дух утратил свое постоянство.

Двое ученых, озабоченных человеческим интеллектом, говорили о проблеме духовного кризиса человечества. Один из них — японец Судзуки Дайсэцу, другой — американец Эрих Фромм. Ниже мы приводим цитаты из книги «Дзэн-буддизм и психоанализ».

Фромм:

Хотя народы, живущие на Западе, в большинстве своем этого не ощущают (возможно, для большинства людей это характерно всегда), они переживают сейчас кризис западной культуры. Но по меньшей мере все критически мыслящие наблюдатели признают существование этого кризиса и понимают его характер. Этот кризис может быть описан как «беспокойство», «усталость», «болезнь века», инертность, механизация человека, изоляция человека от самого себя, от своих соотечественников, а также от природы. В следовании рационализму человек дошел до такой степени, когда рационализм становится нерациональным. После Хайдеггера человек с каждым днем все более отделяет мышление от чувства; считается, что только мышление рационально, а чувства подчиняются своей

природе, то есть не-рациональны. Человек разрезан на две половины, одна из них рациональна и считается истинным Я, которое должно управлять другим Я так же, как должно управлять природой. Рационалистическое управление природой, а также производство все большего и большего количества товаров стало высшей жизненной целью. В этом процессе человек превратил самого себя в вещь, человеческая жизнь превратилась в приложение к товару, и существование стало управляться обладанием. В истоках западной культуры — греческой и иудейской культурах — целью жизни был совершенный человек, а современный человек считает, что целью жизни является совершенная вещь, а также знание того, как эту совершенную вещь создать. Западный человек пребывает сейчас в бессилии от духовной расколотости — в бессилии чувствования. Поэтому он и ощущает тоску, беспокойство и отчаяние.

Судзуки Дайсэцу, говоря о Востоке, цитирует историю из «Чжуан-цзы»:

Один крестьянин выкопал колодец для поливки поля. Он таскал воду из колодца ведром, как это делалось в древности. Шел мимо прохожий и сказал: «Почему ты не используешь журавль, ведь сил тогда тратится меньше и сделать можно больше». Крестьянин сказал: «Я знаю, что он сберегает силы, поэтому им и не пользуюсь. Я боюсь, что от пользования таким хитрым механизмом сердце человека может тоже стать как механизм, а механическое сердце сделает человека распущенным и нерадивым».

Люди Запада часто изумляются, почему китайцы не разовьют больше свою науку и технику. Они удивляются потому, что когда-то у китайцев было, ведь, много открытий и изобретений, например, магнит, порох, колесо, бумага и прочие вещи. Главная причина в том, что китайцам и вообще азиатам нравится жить ради жизни, и они не хотят превращать ее в средство для достижения других целей, потому что жизнь может повернуть таким образом совсем в другую колею.

А теперь посмотрим, что Судзуки говорит о Западе.

Машина противостоит философии работы или философии труда Чжуан-цзы, а западная идея личной свободы и ответственности человека идет вразрез с восточной идеей абсолютной свободы.

Человек вступает в конфликт с машиной, и благодаря этому конфликту Запад переживает гигантское психологическое напряжение, что проявляется во всех направлениях его жизни.

Человек может говорить о свободе, но машина повсюду его ограничивает, поэтому дальше разговоров дело не идет. Западный человек с самого начала подвержен ограничениям и запретам. Его спонтанность отнюдь не является его собственной, это спонтанность машины. Машина не способна

к творчеству, она движется только потому, что это позволяет ей нечто в нее заложенное, она никогда не «поступает» как «человек».

Человек может быть свободным только в том случае, если он уже больше не индивид. Он свободен только тогда, когда отрицает себя и сливается с целым, говоря более точно, когда он является и не является самим собой. Лишь когда человек до конца понял это на вид явное противоречие, он имеет право говорить о свободе, или ответственности, или спонтанности. Например, спонтанность, о которой говорят люди Запада, особенно психоаналитики, представляет собой не больше и не меньше, чем детскую или животную спонтанность, а вовсе не спонтанность зрелого человека.

Кризис, перед лицом которого оказалось человечество, порожден машиной, порожден наукой.

Нужно новое мировоззрение, нужна новая культура.

Когда на западе темно, на востоке светлеет.

«Землю окутывает мрак, совсем не похожий на темноту природной ночи. Это первобытный мрак духа, сегодня он таков же, каким был миллионы лет назад».

(Юнг)

Но на востоке в этом мраке уже появляются первые проблески зари. Это новая заря восточной культуры. Встанем же навстречу приходу зари с востока.

